

**ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ
В НЕПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЖАНДАРМЕРИИ УЕЗДАХ КАЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.****

В статье содержатся сведения по политической правоохранительной деятельности уездной полиции в отдельных местностях Казанской губернии во второй половине XIX в. Определены формы, методы, особенности действий жандармерии и исполнительной полиции.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, уезд, Казанская губерния, политическая ссылка.

Современное обострение социально-политических отношений, участвовавшие массовые акции вызывают интерес к изучению опыта взаимодействия различных правоохранительных структур.

Анализ состояния преступности в России XIX в. показывает, что она усиливалась в периоды либеральных реформ и сокращалась при переходе к консерватизму [1, с. 84]. Основываясь на этом выводе и на успешных результатах применения военно-полевых методов подавления общественных движений в начале 80-х гг. XIX в., царские власти до конца оставались во мнении, что репрессивный путь является наиболее эффективным. Данная идея определила охранительный характер уездной полиции. Законы, имевшие чрезвычайный характер, приобретали статус постоянного действия. Положения, принятые для борьбы с народовольцами, оставались основой деятельности полиции и в начале XX в.

Политическая полиция Казанской губернии располагала крайне ограниченным составом сил. К концу XIX в. жандармерия здесь имела в распоряжении 44 нижних чина. В жандармских пунктах находилось лишь 14 человек: в Козьмодемьянске – 1, Чебоксарах – 2, Тетюшах – 2, Свияжске – 1, с. Ромаданы Спасского уезда – 2, Лаишеве – 2, Чистополе – 2, Мамадыше – 1, с. Кабачищи Казанского уезда – 1 [2. Л. 204]. Причем число чинов жандармерии реально было меньше штатного расписания [3. Л. 2–3]. Один жандарм на уезд, тем более не офицер, был малоэффективен. Они примерно раз в месяц объезжали уезд «с наблюдательной целью» и вели частные разговоры с крестьянами и должностными лицами, откуда и черпали информацию [4. Л. 1, 5, 7–8]. Политическая полиция не могла заменить общую полицию, имевшую разветвленную организацию и более высокую численность личного состава [5, с. 98]. Уезды распределялись между двумя помощниками начальника Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ). Первый контролировал Казанский, Лаишевский и Чистопольский уезды, второй – Тетюшский, Свияжский и Чебоксарский. Без официального приказа Мамадышский уезд контролировался первым помощником, а Спасский и Козьмодемьянский – вторым. Остальные три уезда: Ядринский, Ци-

---

* © Ялтаев Д.А., 2012

Ялтаев Дмитрий Анатольевич (dmru@mail.ru), кафедра отечественной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 428015, Россия, г. Чебоксары, пр-т Московский, 15.

** Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0408.

вильский и Царевококшайский не причислялись ни к кому [6. Л. 1–2]. Вплоть до 1913 г. значительная часть территории, где проживало преимущественно чувашское и марийское население, оставалась вне жандармского надзора, так как начальники жандармских управлений и их помощники объезжали только те местности, где были расположены унтер-офицерские пункты. Филеры имелись только в Казани, за пределы которой направлялись редко, только летом в людные близкие к Казани местности [7. Л. 204–205]. Жандармерия туманно представляла ситуацию в чувашских уездах. Так, в 1913 г. начальник КГЖУ К.И. Калинин, проработавший в губернии много лет, утверждал в официальном отчете, что большинство населения Цивильского уезда – татары, а не чуваша. То есть он элементарно не знал национальный состав уезда [6. Л. 1].

Из-за отсутствия политической полиции исполнительная полиция трех уездов была поставлена в необходимость осуществлять политико-охранительные функции, получив широкое поле для самостоятельности. «Временные правила» 1 сентября 1878 г. дали ей право на арест лиц, подозревавшихся в совершении государственных преступлений [8, с. 113]. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. предоставило уездной полиции право на пресечение политических правонарушений и их предупреждение. Даже в местностях, где не вводилось исключительное положение, местные начальники полиции могли подвергать подозреваемых в совершении государственных преступлений предварительному аресту на срок до 7 дней, производить обыски и выемки [9. Л. 68]. Ими было получено право на перлюстрацию писем, что дублировало «черные кабинеты» жандармерии. Полицейские могли указывать чинам почтового ведомства на сомнительную корреспонденцию, требовать ее задержания и вскрытия в своем присутствии [10. Л. 4]. 12 марта 1882 г. издано «Положение о полицейском надзоре», а 1 марта 1882 г. министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым подписано секретное «Положение о негласном полицейском надзоре». По последнему не обнаруженному, но главному для полиции положению секретный надзор за политически неблагонадежными лицами в равной степени стал кругом обязанностей и корпуса жандармов, и общей полиции [11. Л. 2]. Однако участие разных органов приводило к нечеткости организации процесса. Так, число поднадзорных по разным официальным источникам могло различаться до трех раз [12, с. 17].

Эффективность действий оценивалась неоднозначно. В чувашских и марийских уездах особое внимание уделялось положению 1 августа 1883 г. о негласном надзоре за воспитанниками, исключенными за неодобрительное поведение из учительских семинарий. От полиции требовали, чтобы никто не знал о наблюдении, а сведения добывались негласно, «сторонно» [13. Л. 14 об.]. Но сказывалась неискушенность полицейских в конспирации. Власти Казанской губернии сильно оскандалились, когда в первый же год действия положения при всей секретности один из негласно поднадзорных возбудил ходатайство об освобождении его из-под надзора. Оказалось, что при его отлучках урядники и стражники опрашивали родственников о времени приезда и выбытия. С этого момента уездным исправникам Казанской губернии было приказано не поручать секретные наблюдения неопытным нижним чинам [14. Л. 61]. Методы политического наблюдения и преследования у жандармерии и уездной полиции различались. Если жандармерия широко применяла приемы провокации и найма филеров, то последняя придерживалась обычных правоохранительных действий. Отмечалось, что уездной полиции «сколько-нибудь сносной агентуры завести было нельзя, вследствие ничтожности отпускаемых на это средств» [15]. Не имея законных методов политического контроля, прибегали к различным ухищрениям. В 1872 г. в связи с окончанием ссылки участников польского восстания 1863 г.

и выдачей им обычных для всего населения документов (не содержащих сведений о судимости) ставили на документах о происхождении надпись «на основании сего документа выдан вид на жительство». Эту ничего не значащую для посторонних фразу полиция принимала за специальный условный знак [16. Л. 1–2].

В период народнического движения в национальных районах власти стремились оградить население, включая сельскую полицию, от знакомства с информацией о существовании революционеров. Об их поисках в уезде знал только исправник. Остальным чинам сообщать об истинных причинах розысков строго запрещалось [17. Л. 1–2]. С 1881 г. волостным старшинам приказывали не вскрывать подозрительные письма, а направлять их сразу исправнику. В данную категорию вошла корреспонденция, где в адресе не имелось имени должностного лица, указывался несуществующий сельский обыватель либо адрес был написан явно «искалеченным» почерком [18. Л. 4]. Неясность цели приводила к нелепым расследованиям. В 1874 г. вместо студентов арестовали крестьянина д. Тувси-Хирпоси Ядринского уезда В. Иванова, имевшего при себе Новый завет на чувашском языке и письмо на чувашском же языке, адресованное просветителю И.Я. Яковлеву. Не обращая внимания на абсурдность улики, следствие вели 3 месяца [19. Л. 5, 14–19]. Следует уточнить, что обычно уездная полиция старалась избегать огульных преследований. По мнению местных полицейских властей, случаи волнения крестьян объяснялись «недоразумениями, возникавшими на неправильно понимаемом праве пользования землей», а не политическим сопротивлением [20. Л. 187 об.]. Причины видели в неправомерных действиях чиновников. Часто ограничивались разъяснениями, не стремясь к насильственным мерам и арестам. 4 марта 1868 г. крестьяне Буртасинского общества Цивильского уезда оказали сопротивление мировому посреднику и производителю работ по составлению владенных записей. Цивильский исправник писал в рапорте губернатору: «Если бы г. мировые посредники проявили на себя труд своевременно в частных беседах с крестьянскими обществами объяснить им дела о земельных наделах, не было бы никаких беспорядков» [21. Л. 1, 16].

Поскольку многие уезды Казанской губернии были слабо развиты в экономическом и политическом отношении, а значит, были «благонадежны», они стали местом политической ссылки. Вместо определенных в Казанскую губернию 30 ссыльных сюда отправили 185, а для надзора дополнительно учредили 15 полицейских [22, с. 100, 113]. Распределение производилось с учетом числа населения и построек. В Царевококшайске на 184 частных дома и 1172 жителя приходилось в 1864 г. 49 высланных из западного края, в Цивильске на 254 дома и 1730 жителей было 54 и в Ядрине на 385 домов и 2513 жителей проживало 70 ссыльных [23. Л. 161].

Таким образом, Ядринский, Цивильский и Царевококшайский уезды до начала XX в. были мало подконтрольны жандармскому надзору. Однако в деле охраны политического строя уездная полиция на местах могла быть эффективней жандармерии, поскольку располагала большим числом кадров. С другой стороны, она не имела агентуры. Сказались отсутствие опыта борьбы с законспирированным революционным движением и стереотип пассивности нерусского населения. В деле выслеживания революционеров использовался фактор узости круга образованных оппозиционно настроенных людей из состава национального населения. Полиция Казанской губернии реагировала на открытые, известные действия, «не озабочиваясь» поиском скрытой угрозы, старалась не применять без особой причины вооруженную силу, пользуясь методами устрашения, а не прямого действия.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Бурагин, 2000. Т. 2. 568 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 123.
3. НА РТ. Ф. 199. Оп. 3. Д. 153.
4. Государственный исторический архив Чувашской республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 375. Оп. 1. Д. 3.
5. Романов В.В. Политическая полиция в Поволжье в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.
6. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 916.
7. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123.
8. Скрипилев А.Е. Реорганизация управления полицией в России в начале 80-х годов XIX столетия // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 106–114.
9. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 238.
10. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 239.
11. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 278.
12. Чернышевский Д.В. Карательная политика царизма 1881–1894 гг.: Истоки, характер, результаты. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 36 с.
13. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 335.
14. ГИА ЧР. Ф. 359. Оп. 2. Д. 3.
15. Быстрицкий П. Мысли полицейского чиновника по поводу крестьянских беспорядков // Вестник полиции. 1910. № 2.
16. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 87.
17. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 50.
18. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 239.
19. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 101.
20. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123.
21. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 34.
22. Павлов В.А. Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 309 с.
23. НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1837.

D.A. Yaltaev*

PROTECTIVE ACTIVITY OF POLICE IN THE UYEZDS OF KAZAN PROVINCE OUTSIDE THE CONTROL OF THE GENDARMERY IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY

This article contains information on the political law enforcement activity of a uyezd police in certain districts of Kazan province in the second half of the XIXth century. Forms, methods, features of actions of gendarmery and executive police are defined.

Key words: police, gendarmery, uyezd, Kazan province, political exile.

---

* *Yaltaev Dmitriy Anatolievich* (dmru@mail.ru), the Dept. of National History, Chuvash State University, Cheboksary, 428015, Russian Federation.